

Одно из самых сильных впечатлений детства – это пролёт над нашим селом журавлей. Летели они над нами каждый год дважды: весной к нам, осенью от нас. Они никогда не могли пролететь незаметно, ибо всегда заметившие их в небе начинали кричать: «Журавли, журавли!». И этот журавлиный клин, как казалось, летел над нами очень медленно, мы ликовали, глядя на него, и хотелось глядеть и глядеть и махать руками, но он всё-таки улетал. И долго ещё спрашивали друг друга: а ты видел, а сколько их было? А первого разглядел?

Представить, чтобы какой-то охотник мог бы выстрелить в этих птиц, было невозможно: и он бы, и род его были прокляты на многие поколения вперёд.

А осенью – вот печаль! – журавлики улетали. Холодно у нас, тянулись в тёплые страны. К югу стремились уже не только прилетавшие, но и молодые, у нас, на Севере, рождённые. Они летели и запоминали дорогу, чтобы по ней принести нам на будущий год новую весну.

Да, без журавлей не было бы моего детства. Они всегда в памяти. Как им все-все радовались! В нашем большом селе и окрестных деревнях жили люди, говорящие на разных языках, жили очень дружно, так что мне всегда дикими казались межнациональные распри, столкновения. У нас в классе были и русские, и татары, и марийцы, и удмурты, и мордва, и чувашаши, кто ещё? Все свои, все рады друг другу.

Дагестан с его многоцветием северо-кавказских народов можно уподобить моей Вятке с многоцветностью её северных речений и обычаев.

Да, а любовь к журавлям была единой у всех.

За тысячелетия своих перелётов они своими воздушными нитями сшили нас в единое целое, которое и зовётся Россия. Да, кто не был в Дагестане, не познал до конца Россию.

Неужели я мог прожить жизнь и не побывать в Дагестане? Нет, это невозможно. Я только что с трапа самолёта. После южной жары вдыхаю московский холод, как хорошо! А в благодарной памяти солнечные дни гамзатовского праздника «Белые журавли». Лица людей, которые внимали выступлениям поэтов, съехавшихся отовсюду, как на ежегодный экзамен верности Поэзии. Разные языки в переводе на русский звучали. Русский, как никакой другой, избранный свыше для выражения чувств и мыслей разноязыкой нашей российской семьи. Странно даже видеть потуги деятелей во властных структурах объявить английский язык языком общения в России. Английский – деловой язык, язык торговли, в нём Пушкина, Тютчева, Лермонтова нет, нет и Некрасова и Есенина, души нашей в английском нет. Его просто мало для выражения вечных понятий любви и сострадания. И не только. В нём есть нечто захватническое: где он появляется, там колонизация, сырьевая база, где русский – там единение людей.

Распахнутый простор над родиной автора «Журавлей», над его могилой. Вот и занял дорогой наш поэт место в строю защитников мировой культуры. Не печалью веет от надгробных молитв, торжественностью и радостью от того, что мы – современники – жили во время создания им оставленных нам произведений.

Помню освежающее впечатление от книги «Мой Дагестан». И не случайно перекладывал её на русский язык поэт Владимир Солоухин. Расул Гамзатов уже тогда был знаменит, переводчики считали за честь переводить его. Но выбрал он Солоухина. Они были синхронны сердцами в главном, в сыновней любви к родине. К тому времени были широко известны и знамениты солоухинские «Владимирские просёлки». Кто, как не он, почувствовал братскую любовь аварского собрата к рассветам и закатам этих суровых и прекрасных мест, к этим много перестрадавшим людям?

И вообще надо вот что заметить. Мы всё говорим о влиянии русской литературы на литературы народов и Советского Союза, и теперешней России. Но есть же влияние и литературы этих народов на русскую. Есть, и непременно. Расул Гамзатов здесь чёткое этого доказательство.

«Мой Дагестан» очень благотворно повлиял на всплеск обращения русских авторов к своим истокам. Напрямую или косвенно повлиял. Выстраивается такой ряд: «Лад» Василия Белова – изумительные очерки о культуре вологодской земли, распутинская «Сибирь-Сибирь», абрамовская «Трава-мурава», лихоносовская «Тоска-кручина», потанинские «Пристань» и «Над зыбкой», астафьевские «Затеси», личутинская «Русь неизъяснимая», екимовская «Пастушья звезда»... это только то, что сразу приходит в голову. Осмелюсь назвать и свою «Вятскую тетрадь». Это литература любви к родине. Именно такая письменность держит нравственный свод над Отечеством, не давая превращать его в территорию проживания, а называть и считать Родиной. Любовь к ней – главное чувство, которое более всего спасает нас. Совсем не случайно, что литературу, мною названную, никогда не поддерживают либеральные критики. Полное ощущение, что у них и родины нет. И как это можно не любить Россию, если рождён в ней? Но вот – не любят.

Незабываемые – журавлиные – дни. Всё проходило так сердечно, слаженно, что я только дивился высокой организации, одухотворённости праздника. Она в том, что и организации не заметно, только и видишь этих, полных внимания и радости нарядных людей. Может быть, даже и хорошо, что нынче встречи были выведены из помещений на улицу. Стоять у микрофона в закрытом пространстве или быть перед этими горами, облаками, гостеприимными, внимающими тебе людьми – разница немалая. Тут тебя не только аудитория слушает. Тут ответственность за произнесённое слово усиливается: небеса поэта над тобой.

Выступали и приехавшие поэты, и дагестанские. Для себя я открыл многих, особенно народную поэтессу Дагестана Аминат Абдулманапову. Вообще дагестанская поэзия – образец чистоты слога и гармонии его с формой звучания.

*Отец мой не читал мудрёных книг,
Да и писать, как следует, не мог,
Но за аулом выкопал родник,
Суровой жизни подводя итог...*

*Не иссякает чистая вода,
Её питают недра отчих гор,
Где мой отец остался навсегда,
А кажется, что жив он до сих пор.*

Он жив, отец Аминат. Он дал жизнь дочке, а дочка дала ему жизнь в слове. Слушал чтение Аминат, и как же мне захотелось так же, хотя бы в прозе, сказать о своём дедушке Семёне Ефимовиче Смышляеве. Случай точно такой: родник в деревне, который так и звали: дяди Семёна. Дедушка неграмотный, но был знаменитым лоцманом, плотогоном, водил плоты по Вятке и Каме. Родник жив.

Всё в мире живо.

И незыблемо стоит столица красоты Дагестана аул Гуниб. Так назвал его Магомед Ахмедов. Я бы добавил: и город мужества. Здесь, где был пленён имам Шамиль, воины с обеих сторон показали высочайшие образцы воинской чести и смелости. Здесь начало нашего совместного существования в этом мире.

«Кто не был в Гунибе – не был в Дагестане» – такое изречение написано на обложке справочного буклета с видами аула, с рассказом о его истории. Но сейчас я счастлив: не книга в руках – сам аул во всю ширь своей красоты открылся с площадки обзора. Тут забываешь все тяготы нелегкого пути, спуски и подъёмы, повороты и развороты, на которых меня, жителя северных равнин, даже укачивало. Всё плохое проходит – ты лечишься родиной Поэзии, дышишь её воздухом, ты на высоте полёта журавлей.

г. Москва